

на полях, или же, наконец, кем-то из читателей XVI—XVIII вв. — для нас несущественно; важно то обстоятельство, что в древнем оригинале поэмы слово «Олга» не стояло.

Логически трудно предположить, что слово «внук» относится к имени Игорьь, а определение «того» подразумевает его деда — Олега Святославича. Князь этот нигде не помянут, ни перед выражением «того внуку» (стр. 6), ни после него. Впервые находим мы это имя лишь начиная со стр. 14—15 «полци Олговы», «Ольга Святославичя». Упоминания о различных князьях Рюрикова племени у певца очень четки: они определены их отчествами по отцу, а иногда также и по деду; для некоторых — характерными эпитетами: старый, красный, Гориславич, Осмомысл, буй, великий. Слова «того внуку» настолько ничем не связаны по смыслу, а по своему месту настолько удалены от имени Олега Святославича, что их, конечно, нельзя относить к этому князю. Единственные имена, стоящие непосредственно перед словами «того внуку» и сейчас же после них, это Троян и Боян.

Первое имя здесь неприемлемо: оно дано как прилагательное притяжательное в краткой форме «тропа Трояня», т. е. Троянова тропа. Таким образом, здесь нельзя установить синтаксическую связь существительного «Игорь» с прилагательным «Троянова». Из близ стоящих имен остается только «Боян, соловей старого времени» (стр. 6) и «Боян, Велесов внук» (стр. 7). И синтаксически и логически (так как дело идет о пении, а не о чем-либо другом) слова «того внуку» должно относить к имени древнего певца Бояна: «О Боян, соловей старого времени! если бы ты воспел этот поход...» Его внуку подобало бы так начать песнь Игорю: «Не буря занесла соколов на поля широкие... А может быть, следовало, Боян, внук Велесов, запевать: кони ржут за Сулою...».

«Слово о полку Игореве» начинается с упоминания имени Бояна; певец «Слова» показывает прекрасное знание песенных приемов Бояна, превосходит его мастерство, называет три из его песен и приводит выдержки из двух других. Он величает его: «внук Велеса», «соловей старого времени», «вещий», «смысленный». Он говорит о певце «Слова» как об общепризнанном образце, говорит так, как будто от него ждут подражания Бояну. Но, показывая себя знатоком древних песенных приемов Бояна, певец «Слова» подчеркивает, что он пойдет иным путем — он отходит от эпической песенной традиции, и его дарование носит уже черты индивидуального творчества.

Конечно, по его отношению к Бояну, по его блестящему знанию приемов и песен этого знаменитого древнего певца автор Слова, несомненно, его ученик, певец его школы. Но в каком же смысле он называет себя его «внуком» — в переносном, как его преемник и ученик, или в подлинном, т. е. по происхождению?

Ряд исследователей и принимает наименование «внук» в переносном смысле: певец является продолжателем Бояна. Однако наименование «внук Бояна» вряд ли мог позволить себе его ученик, уже немолодого возраста, притом слагающий песни в ином стиле. Такое восхваление Бояна, какое мы находим в «Слове», также странно со стороны ученика, тогда как со стороны потомка знаменитого певца оно понятно и законно. Автор Слова в данном случае следует народному обычаю: «Умный хвастает отцом-матерью, отцом-матерью, родом-племенем». Такое поведение было узаконено жизнью и рассматривалось как достойное и похвальное.³

³ Ср. у А. С. Пушкина: «Мой предок Радша службой бранной Святому Невскому служил» (Моя родословная. — Сочинения и письма А. С. Пушкина, т. 2. СПб; 1903, стр. 142).